

ЗАГАДКИ И ТАЙНЫ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ И ОПУБЛИКОВАНИЯ «СЛОВА»

«Слово о полку Игореве» было открыто собирателем древнерусских рукописей Алексеем Ивановичем Мусиным-Пушкиным в конце 80-х – начале 90-х гг. XVIII в. Он приобрел (предположительно – на основании косвенных сведений из описи рукописных книг монастыря – считалось, что не позднее 1788 г., хотя в настоящее время эта дата подвергается сомнению) у архимандрита Иоилia, настоятеля упраздненного Екатериной Спасо-Ярославского монастыря, рукописный сборник, который, судя по его описанию, был написан в XVI в. на северо-западе Руси (в районе Пскова или Новгорода).

К работе над рукописью А.И. Мусин-Пушкин привлёк известных археографов того времени Николая Николаевича Баньш-Каменского, Алексея Фёдоровича Малиновского (брата Василия Фёдоровича Малиновского, будущего директора Царскосельского Лицея), историка и писателя Ивана Перфильевича Елагина.

Сейчас с достаточной вероятностью установлено, что сборник открывался «Хронографом Распространенной редакции 1617 г.», затем читалась Новгородская I летопись младшего извода, древнейшая редакция «Сказания об Индийском царстве», древнейшая редакция «Повести об Акире Премудром», «Слово о полку Игореве» и первая редакция «Девгениева деяния». Таким образом, «Слово» находится в окружении очень редких в русской письменности памятников или редакций. Так, до нас не дошло больше ни одного списка первой редакции «Сказания об Индийском царстве»; первая редакция «Повести об Акире Премудром» известна еще лишь в одном полном списке XV в., одном, впоследствии утраченном, XVI века и двух неполных XVII вв.; первая редакция «Девгениева деяния» известна всего в одном списке XVIII в.

Противоречивы были сведения о датировке сборника. Издатели указали лишь, что рукопись *«по своему почерку весьма древняя»*. Орфография текста «Слова» и фрагментов из «Повести об Акире Премудром», известных нам по выпискам Н.М. Карамзина, указывает на принадлежность рукописи ко времени не позднее конца XVI в. Но наличие в том же сборнике Хронографа XVII в. заставляет предположить, что сборник этот – коволют, т.е. рукопись, составленная из двух частей.

По основательному предположению П.Н. Беркова, П.А. Плавильщиков в статье «Нечто о врожденном свойстве дум российских» (1792) имел в виду «Слово», когда утверждал: *«даже в дни Ярослава сына Владимирова были стихотворные поэмы в честь ему и детям его»* (м. б. отзвук фразы «Слова» о Бояне, который слагал песни «старому Ярославу, храброму Мстиславу ... красному Роману Святъславличю»). Он также

указывал, что, несмотря на разорение после «варварского нашествия татар ... существуют еще сии драгоценные остатки в книгохранилищах охотников до редкостей древностей отечественной и, быть может, Россия вскоре их увидит».

М.М. Херасков в 1797 г. в примечании к 16 песни своей поэмы «Владимир» сообщил: *«Недавно отыскана рукопись под названием “Песнь о полку Игореве”, неизвестным писателем сочиненная. Кажется, за многие до нас веки, в ней упоминается Боян – российский песнопевец»*.

В том же году в журнале «Обозреватель Севера», издававшемся в Гамбурге французскими эмигрантами, Н.М. Карамзин опубликовал заметку, в которой, в частности, говорилось: *«Два года назад в наших архивах был обнаружен отрывок из поэмы под названием “Песнь воинам Игоря”, которую можно сравнить с лучшими оссиановскими поэмами, и которая написана в XII столетии неизвестным сочинителем»*.

А.И. Мусин-Пушкин изготовил копию с древнерусского текста для Екатерины II, интересовавшейся в те годы русской историей. Текст «Слова» был сопровожден переводом и примечаниями. В этих примечаниях были использованы исторические сочинения самой Екатерины, которые были изданы в 1793 г. Т. к. ссылок на печатное издание этих сочинений в примечаниях нет, представляется вероятным, что Екатерининская копия «Слова» была изготовлена до 1793 г. Копия эта затем затерялась в архиве и была обнаружена лишь в 1864 г. П.П. Пекарским.

В ноябре 1800 г. «Слово о полку Игореве» было напечатано в сенатской типографии в Москве тиражом в 1200 экз. Первое издание содержало не только сам древнерусский текст памятника, но и перевод его на современный русский язык, подстрочные (правда, весьма краткие по большей части) примечания к нему, открывалось «Историческим содержанием песни», а также две вклейки – перечень допущенных опечаток и поколенную роспись князей, упоминаемых в «Слове».

Во время московского пожара 1812 г. погиб не только уникальный список, но и существенная часть тиража; в настоящее время в государственных архивах и у частных лиц в нашей стране и за рубежом хранится около 70 его экземпляров.

Очень важно было попытаться установить, насколько точно был передан издателями древнерусский текст «Слова». Исследование Екатерининской копии, выписок из «Слова», сделанных А.Ф. Малиновским и Н.М. Карамзиным, анализ издательских принципов XVIII в. позволили прийти к выводу, что, стремясь по возможности точно воспроизводить **слова** (смысловые единицы текста), издатели, в духе своего времени, допускали существенные отклонения в передаче **написаний**, т. е. орфографии древнерусской рукописи.

Все изменения в тексте «Слова» по мере подготовки его к печати могут быть объяснены четырьмя обстоятельствами:

1) наличием авторитетной для издателей рукописи, по которой они постоянно выправляли текст, стремясь его не только механически прочесть, но и понять, сделать удобочитаемым;

2) некоторой неподготовленностью издателей к своей работе;

3) их стремлением к унификации орфографии и попытками приблизить ее к правописанию XVIII в.;

4) тем, что в процессе работы над текстом он переписывался профессиональными писарями, которые вводили в текст некоторое количество механических ошибок, описок, неправильных прочтений.

Из всего этого следует, что издатели «Слова» безусловно были уверены в подлинности рукописи; весь ход работы над изданием «Слова» убеждает, что издатели ничего сознательно не придумывали, не сочиняли, не изменяли более раннего текста без каких-либо серьезных оснований.

Если бы кто-либо из издателей «Слова» не был уверен в подлинности рукописи, а считал бы, что имеет дело с удобочитаемой подделкой(а подделки, как правило, бывают обычно удобочитаемы: в них нет темных мест, тем более таких, которые в некоторой части с течением времени бесспорно могут быть объяснены), то весь ход работы был бы совсем иным.

Наличие «Слова» только в одном списке не производит впечатления особенной исключительности, если вспомнить, что в единственном экземпляре дошло до нас «Поучение» Владимира Мономаха, в двух – «Слово о погибели Русской земли»; ряд памятников, особенно созданных до татарского нашествия, известны нам лишь по косвенным данным, т. к. не сохранилось ни одного списка («Житие Антония Печерского»), многие из памятников этой поры дошли до нас с редких и очень поздних списках («Девгениево деяние»).

«Слово о полку Игореве» и скептики

Сомнения в древности «Слова о полку Игореве» возникли вскоре после публикации памятника. На первых порах основанием для возникновения скептического взгляда на «Слово» явилось кажущееся его несоответствие уровню современной ему древнерусской литературы, а также богатство, образность, а во многих случаях – непонятность его языка.

Профессор Михаил Трофимович Каченовский являлся одним из авторитетнейших лидеров «скептической школы» – направления в исторической науке первой половины XIX в., требовавшего критического отношения к древнерусским источникам. Каченовский

указывал на отсутствие следов знакомства со «Словом» в других древнерусских памятниках, на наличие в «Слове» *«поздних речений»*, характеризовал язык памятника как *«смесь многих наречий и языков»* и считал, что «Слово», по-видимому, - плод обработки книжником XVI в., обрусевшим норманном или греком, старинной летописной повести о походе Игоря.

27 сентября 1832 г. А.С. Пушкин присутствовал в Московском университете на лекции И.И. Давыдова и вступил в спор с Каченовским. Свидетелем спора был И.А. Гончаров, который позже вспоминал, что Пушкин *«горячо отстаивал подлинность древнерусского эпоса, а Каченовский вонзал в него беспощадный аналитический нож»*.

К середине XIX в. споры о подлинности «Слова» затихли. Сыграло роль обнаружение «Задонщины», зависимость которой от «Слова» была достаточно очевидной и подчеркивалась всеми исследователями. Кроме того, важную роль сыграла обнаруженная К.Ф. Калайдовичем на полях Псковского апостола 1307 г. фраза: *«Сего же лета бысть бой на Русьской земли: Михаил с Юрьем о княженъе Новгородское. При сих князех сеяшется и ростяше уособицами, гыняше жизнь наша, въ князех которы, и вещи скротишася человеком»*. Правда, такие русские писатели, как И.А.Гончаров и Л.Н.Толстой продолжали считать «

Попытка пересмотра этого основного аргумента в пользу древности «Слова» была предпринята Луи Леже в его книге «Russes et Slaves» (Русские и славяне) (1890). Характеризуя основные памятники древнерусской литературы, Леже отметил, что «Слово», занимающее почетное место в антологиях и курсах истории русской литературы, тем не менее является произведением, подлинность которого требует серьезного обоснования. Решение проблемы подлинности «Слова», по мнению исследователя, затруднено тем, что оно успело глубоко проникнуть в национальную литературу. Он высказал предположение, что если рукопись «Слова» и не была *«сфабрикована в конце XVIII в. под влиянием оссиановских поэм, то во всяком случае очевидно, что она не современна событиям, которые в ней прославляются»*. Леже допускал, что «Слово» могло быть написано в XIV или XV в. Посчитав, что сторонники подлинности «Слова» основываются главным образом на мнении А. С. Пушкина о том, что в XVIII в. не было поэтов, способных создать подобное произведение, Леже выдвинул свой тезис: речь не может идти об авторе-поэте (XVIII в.), ибо «Слово» - творение эрудита, кабинетного ученого, увлеченного средневековой литературой и народной поэзией, а кроме того, Пушкин в данном вопросе не может считаться авторитетом, так как он принял всерьез литературную мистификацию Мериме. Наибольшие подозрения в подлинности «Слова»

вызывала у Леже «*чрезмерность местного колорита*», а также «*мифологические намёки*», неприличные для русского автора-христианина.

Эта идея Леже была поддержана и развита в конце 30-х гг. XX в. французским ученым-славистом академиком А. Мазоном, который в книге «*Le Slovo d'Igor*» (1940) доказывал, что памятник был создан в окружении Мусина-Пушкина (едва ли не им самим) в конце XVIII в. Мазон исходил из того, что подлинность «Слова» доказывалась до пожара 1812 единственной рукописью, после пожара осталась только одна копия, очень несовершенная, и Первое издание. Рукопись была приобретена при весьма туманных обстоятельствах, само ее происхождение является предметом противоречивых свидетельств. Подозрения и сомнения остаются, так как новые списки не обнаруживаются, что, с точки зрения Мазона, говорит о «*несостоятельности рукописной традиции*». Рассматривая связь «Слова» с XII в., Мазон считал, что бесспорна только сюжетная связь. По его мнению, произведение характеризуется непоследовательностью изложения и бессвязностью второй части, что указывает скорее на более позднего рассказчика, а не на очевидца событий. Автор, как полагал Мазон, вероятно, не современник Игоря, а пылкий патриот более позднего времени, просвещённый человек, знающий древнерусский язык и народное творчество.

Анализируя взаимоотношения «Слова» и «Задонщины», Мазон считал неправдоподобным и подозрительным, что получается так, что «Слово» дало о себе знать сначала в различных списках «Задонщины» и «Сказания о Мамаевом побоище», а затем вдруг в конце XVIII века само появилось из неизвестности, и с этого момента «Задонщина» и «Сказание» начинают играть роль контраста, они должны свидетельствовать о безвкусице плагиата и красоте оригинала. Мазон полагал, что «Слово» - это подражание «Задонщине»; общие места «Слова» и «Задонщины» - это тот основной материал, из которого сделано «Слово», отношения между ними – это отношения посредственной, но искренней модели и ловкой и искусной пародии.

В связи с этим Мазон отмечал наличие в «Слове» анахронизмов, также вызывающих сомнение в его подлинности (в частности, намеки на господство России на Азовском море и в Полоцкой земле). Подозрительным казалось Мазону неоднократное упоминание Тмутаракани, словно бы для того, чтобы польстить графу А. И. Мусину-Пушкину, а также напомнить Екатерине II о победах русских на Азовском море. В результате, Мазон считал, что «Слово» появилось в очень нужный момент, чтобы восполнить недостаток в украшении прошлого. Согласно Мазону, «Слово» состоит из двух неловко соединенных между собою частей; первая часть представляет собой улучшенный плагиат «Задонщины», вторая – текст, полный алогизмов и «темных мест», это то, что автор смог

сделать сам. Анализируются также язык и стиль произведения, в которых исследователь не наблюдает единства и находит «модернизмы» и «галлицизмы».

Мазон полагал, что автором «Слова» был просвещённый светский человек, занимавшийся литературой и наукой, знавший древнерусский язык. Отсутствие ярко выраженного религиозного чувства, использование языческих элементов, псевдоклассических клише, оссианизмов, галлицизмов — все указывает именно на это. Мазон предполагал, что автора можно искать в окружении Мусина-Пушкина, и, кроме самого Мусина-Пушкина можно подозревать двух его современников: А. Ф. Малиновского и Н. Н. Бантыша-Каменского (в особенности последнего, учитывая его происхождение, образование, характер). Также Мазон считал, что автор не заслуживает чести называться гением (как о нем говорит Пушкин): ему достаточно было иметь в своем распоряжении те компоненты, из которых составлено «Слово»: вторичную версию «Задонщины», наделенную чертами «Сказания», печатные издания летописей, «Историю России» князя М.М. Щербатова, «Историю» В.Н. Татищева, несколько древнерусских рукописей.

Н.И. Либан вспоминал, что тогда обратились к профессору Сергею Константиновичу Шамбинаго, подготовившему научное издание «Слова» и составившему сводную редакцию «Задонщины». Он прочел статью Мазона и сказал: «Дичь! Я докажу, что “Слово” — подлинное произведение». Наши чиновники от науки, конечно, вцепились в него: «Пожалуйста, Сергей Константинович, вот вам столик в Ленинской библиотеке, садитесь, занимайтесь, все, что хотите...» Он сел и начал работать. К тому времени, когда он заканчивал свою работу, в Москву приехал министр иностранных дел Франции господин Бидо, и Сергею Константиновичу сказали, что сейчас неудобно выступать с полемической статьей против французского критика. Старик рассердился и ответил: «Оставайтесь вы тут со своей Бидой, я сюда больше не ногой!» И все. Все его материалы лежат, его просят, он ни в какую. Нет, и точка. Позже, используя материалы Шамбинаго, Н.К. Гудзий написал статью, опровергающую доводы Мазона. А итогом полемики с гипотезой Мазона стала коллективная монография «“Слово о полку Игореве” — памятник XII в.» (1962).

Новый этап в обсуждении подлинности и древности «Слова» был открыт докладом видного историка Александра Александровича Зимина, прочитанном им в ИРЛИ 23 февраля 1963 г. Заседание с почти трехчасовым докладом Зимина прошло в отсутствие Д.С. Лихачева, который в это время находился в больнице. Как затем писал Зимин, *«это был первый доклад, который я делал не по бумажке (потому как работы-то самой еще не было), была груда материала и уйма выводов»*. Интерес к теме и разосланные в

большом количестве приглашения собрали совершенно неожиданное для организаторов заседания и для самого докладчика количество народа. Присутствовало более 150 человек, среди которых было много студентов. О докладе быстро узнали не только в Ленинграде, но и в Москве и в других городах, да и за рубежом тоже. Зимин выдвинул гипотезу, что «Слово о полку Игореве» было написано в конце XVIII в. Иоилем. В своей гипотезе Зимин учел множество аспектов: определяются текстологические отношения между «Словом» и связанными с ним произведениями древнерусской литературы и фольклора, т.е. устанавливается, влияли ли эти памятники на текст «Слова» или нет; рассматривается сама возможность принадлежности современнику этих событий рассказа о походе русских князей на половцев 1185 г. в «Слове» с точки зрения исторической достоверности описаний и др.; имеется попытка изучения языкового строя и так наз. «темных мест» «Слова»; на основании известных ранее и новых сведений, почерпнутых из архивов Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Чернигова и Ярославля, восстанавливается биография и творческий путь первого владельца; рассматриваются также довольно запутанные обстоятельства обнаружения и издания «Слова» Мусиным-Пушкиным; наконец, анализируется судьба «Слова» в научной литературе XIX-XX вв. К работе прикладываются реконструкции архетипов Краткой и Пространной редакций «Задонщины» и «Слова о полку Игореве». А.А.Зимин обращает внимание на гипотезу об устном (песенном) происхождении и бытовании «Задонщины» и далее пишет: *«Считая первичную Задонщину произведением устного творчества, трудно объяснить ее текстуальную связь со Словом о полку Игореве, если отстаивать тезис о первичности Слова. Представить себе, что Задонщина несколькими поколениями исполнялась в течение почти 100 лет (с конца XVI до конца XV в.) и сохранила нюансы текстологической зависимости от своего первоисточника, практически невозможно».*

Зимин считал, что «Слово» - блестящая имитация древнерусского литературного, созданная широко образованным и талантливым богословом Иоилем, это произведение откликалось на актуальные проблемы современности, могло восприниматься как *«призыв к присоединению Крыма и победоносному окончанию русско-турецкой войны».* По мнению Зимина, источниками «Слова» являлись «Задонщина», русские летописи (по преимуществу Ипатьевская), памятники рус., украинского и белорусского фольклора. В создании окончательного текста принимал участие, по гипотезе Зимина, и А. И. Мусин-Пушкин.

По возвращении в Москву А.А. Зимин был поставлен перед необходимостью объясняться с руководством Института истории АН СССР и в секторе, где он работал, по поводу сделанного им по собственной инициативе доклада. К концу 1963 г. Зимин

написал работу ««Слово о полку Игореве» (Источники. Время написания. Автор)», которая была издана на ротапринте Института истории АН тиражом в 99 экземпляров и состояла из трех сброшюрованных выпусков общим объемом 660 страниц. Возможность ознакомиться с этой книгой имели только обозначенные в особых списках участники закрытого обсуждения работы Зимина, которое имело место в Отделении истории АН СССР 4-6 мая 1964 г. Книга была роздана участникам с категорическим требованием возвратить все ее экземпляры после обсуждения. Развитию научной дискуссии с Зиминым препятствовало вмешательство как партийных, так и академических инстанций, запретивших информацию о докладе. Протесты как сторонников Зимина, так и его оппонентов (В.П. Адриановой-Перетц, Д.С. Лихачева, Н.К. Гудзия) не возымели действия. Все решения по поводу А.А. Зимина и его книги принимались на самом высоком уровне. Руку на пульсе держали и директор Института истории В.М. Хвостов, и академик-секретарь Отделения истории Е.М. Жуков, и вице-президент Академии наук П.И. Федосеев, не говоря уже об Идеологическом отделе ЦК КПСС и секретаре ЦК КПСС по идеологической работе Л.Ф. Ильичеве.

В 2003 г. появилась книга Эдварда Кинана «Josef Dobrovsky and the Origins of the Igor's Tale». Идея книги состоит в том, что «Слово о полку Игореве» сочинил Йосеф Добровский (1753-1829), крупнейший чешский филолог своего времени, автор таких фундаментальных трудов, как «История чешского языка и литературы» (1792), «Основы старославянского языка» (1822), основатель славянской лингвистики как науки.

Наиболее подробный анализ большинства скептических концепций и полемика с ними содержится в монографии А.А. Зализняка ««Слово о полку Игореве». Взгляд лингвиста» (1-е издание – 2004 г., 3-е издание – 2008 г.).

В наши дни с целым рядом гипотез о времени написания и авторстве «Слова о полку Игореве» выступил Александр Григорьевич Бобров, выпускник филологического факультета ЛГУ, в настоящее время – доктор филологических наук и ведущий научный сотрудник Отдела древнерусской литературы ИРЛИ РАН. В 2005 году в статье «Проблема подлинности “Слова о полку Игореве” и Ефросин Белозерский» исследователь обосновывал возможность атрибуции «Слова» древнерусскому монаху и книжнику второй половины XV века Ефросину Белозерскому. В совсем недавно вышедшей (2014) статье «Происхождение и судьба Мусин-Пушкинского сборника со “Словом о полку Игореве”» Бобров выдвинул гипотезу о том, что сборник происходил не из Спасо-Ярославского, как считалось ранее, а из Кирилло-Белозерского монастыря.

По мнению исследователя, рукопись, содержащая «Слово», была получена Мусиным-Пушкиным не в конце 1780-х гг., как обычно считалось раньше, а уже после

того, как летом 1791 г. был назначен обер-прокурором Синода, видимо, зимой 1791/1792 г. Осенью 1791 г. сборник был привезён из Кирилло-Белозерского монастыря, в составе комплекса из 26 рукописных книг был передан в ведение Гавриила (Петрова), тогдашнего митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского, а затем от него – в ведение Святейшего Синода (на обе передачи исследователем обнаружены реестры). *«Несмотря на наличие передаточных описей, - констатирует исследователь, - обер-прокурор Синода всё-таки решился изъять эти книги (речь идёт о сборнике, содержащем «Слово», Палее и, возможно, списке Лаврентьевской летописи. – А.А.) для своей личной коллекции»* и впоследствии так и не смог с ними расстаться и – уже после смерти Екатерины II в 1796 г., когда государыня-матушка уже не могла ни подтвердить, ни опровергнуть слов графа, – выдвинул версию о том, что рукописи «о чем, де известно всему Святейшему Синоду», были отданы им самой императрице по её высочайшему повелению.